

«Моя голова стала тяжелой, а взор помутился, пора остановиться на ночь...»

Низкий, бархатистый голос Eagles разносился по комнате, а белый свет лампы на потолке сиял.

Мужчина опустил нож, устремив взгляд вниз, и наблюдал, как кровь капает с его кончиков пальцев. Через мгновение он высунул язык и лизнул каплю крови на подушечке пальца. Металлический привкус распространился по рту, и он, словно ребенок, наслаждающийся конфетой, удовлетворенно улыбнулся. Затем он снял окровавленные перчатки и бросил их в мусорное ведро, обнажив длинные, бледные пальцы.

Он достал серо-белый клетчатый платок и аккуратно вытер пот со лба. Когда лицо стало чистым, он снова надел перчатки, поднял блестящий металлический нож и с силой вонзил его в кожу шеи. Мгновенно мясо разорвалось, и хлынула кровь. Женщина, чьи руки и ноги были прикованы к кровати, беззвучно дернулась, а затем полностью перестала сопротивляться.

Скрежет металла, трещащего кость и плоть, смешивался с музыкой. Закончив последний разрез, мужчина взглянул на свой полуготовый «шедевр», опустил нож и весело напевал в такт музыке.

Когда песня закончилась, он открыл кран, и вода хлынула наружу — прозрачная и чистая, смывая кровь с лезвия. Вода в раковине, смешанная с кровью, стекала в темную, бездонную канализацию.

Инструменты были аккуратно разложены по размеру. Мужчина скрестил руки на груди и опустил взгляд на тело на кровати, голова которого была отделена от туловища. Кровь из шеи стекала на пол, окрашивая края его обуви. Он не обращал внимания на то, что под ногами, сосредоточенно глядя на свое «произведение».

Прошло много времени.

Мужчина удовлетворенно улыбнулся, развел руки и приоткрыл штору. За окном темнело, маленькие снежинки падали на землю, покрывая ее тонким слоем снега, который еще не смог скрыть истинный цвет земли. Уголки его рта поднимались все выше, глаза загорелись ярким светом, а голос напеваемой песни стал звучать громче.

Он наклонился, осторожно поднял голову и поместил ее на специальный туалетный столик. Открыв ящик, он взял деревянную расческу и начал аккуратно расчесывать спутанные волосы. Когда волосы были полностью расчесаны, он завязал их в высокий хвост, подрисовал брови, покрасил губы... Когда весь макияж был готов, он бережно поместил окровавленную голову в морозильную камеру.

Когда кровь внутри головы полностью замерзла, мужчина достал форму, налил в нее воды, поместил голову внутрь и снова положил в морозильник.

На столе, внутри прозрачного льда, застыла женская голова, словно естественный янтарь. Мужчина взял резец и начал тщательно вырезать ледяную скульптуру. Вскоре ледяная голова была готова.

Он смотрел на свое «произведение» снова и снова, трогал его, не в силах оторваться, почти впад в состояние одержимости.

В этот момент музыка внезапно остановилась, и из динамиков раздался приятный голос

ведущей:

— Дорогие слушатели, Новый год уже на пороге, давайте вместе начнем обратный отсчет: 10, 9, 8... С Новым годом!

Мужчина убрал одержимый взгляд, но не смог удержаться, чтобы снова прикоснуться к ледяной скульптуре. Он прошептал:

— Новый подарок, надеюсь, он тебе понравится.

1 января.

В Бочэне шел снег, снежинки падали с бескрайнего неба, словно летящие перья, разбрасываемые ветром по земле. Улицы, пешеходы, машины, дома... все было покрыто белым цветом, и весь город словно накрыли белым плащом.

Снег шел всю ночь, на дорогах скопился толстый слой. Снегоочистительные машины работали всю ночь, но не смогли полностью очистить проезжую часть. Дороги были очень скользкими, и утром произошло несколько аварий, что еще больше усугубило пробки. Сотрудники, спешившие на работу, выходили из машин и шли пешком.

Звуковые сигналы машин то и дела разрывали воздух. Дверь седана открылась, и из нее вышел крупный мужчина. Он крикнул водителю внедорожника, сигналившего сзади:

— Хватит сигналить! Есть мужик — проезжай по крыше моей машины!

Водитель внедорожника замолчал, мужчина плюнул, сел в машину и с силой хлопнул дверью.

Крик мужчины разбудил Гу Сюня, который дремал в соседней машине. Он опустил окно, и холодный ветер с шумом ворвался внутрь, мгновенно прогоняя сон.

Ряды машин двигались медленно, как улитки. Путь в десять минут сегодня за полчаса едва преодолели наполовину. От скуки он закурил, сделал пару затяжек и случайно заметил лист бумаги, лежащий на пассажирском сиденье.

Список изменений в персонале на Новый год. Вчера он был занят подготовкой годового отчета и забыл посмотреть этот список. Гу Сюнь затянулся сигаретой, затушил ее, взял список и быстро пробежался глазами. Состав команды не изменился, и он бросил список обратно на сиденье.

Миновав место аварии, они немного прибавили скорость, но недалеко отъехали, как снова попали на красный свет. Машины снова превратились в улиток. Гу Сюнь легонько постукивал пальцами по рулю, как вдруг перед глазами мелькнуло имя Линь Ижань. Он вспомнил что-то, резко схватил список с пассажирского сиденья и посмотрел еще раз.

Имя Линь Ижань было отчетливо напечатано в списке сотрудников. Гу Сюнь слегка нахмурил брови, перестал стучать по рулю и с силой нажал на клаксон. Светофор, словно почувствовав его нетерпение, тут же сменился на зеленый.

Гу Сюнь резко сменил полосу, свернул на маленькую дорогу, петлял туда-сюда и через двадцать минут добрался до полицейского участка. Он припарковал машину, схватил список с пассажирского сиденья и, несмотря на пронизывающий ветер, направился напрямик в кабинет заместителя начальника.

Мэн Цзя с булочками и соевым молоком поднималась на второй этаж, когда вдруг почувствовала за спиной холодок. Она обернулась и увидела Гу Сюня с сосредоточенным выражением лица, быстро идущего наверх. Он проносился мимо, словно ветер.

— Капитан Гу...

Она не успела добрословить «утро», как его фигура уже исчезла в коридоре.

Кабинет заместителя начальника.

Из-за пробок начальник управления Чжан прибыл позже обычного. Он только что заварил свежий чай и не успел как следует сесть, как Гу Сюнь поспешно постучал и вошел. Он бросил список на стол и ткнул пальцем в имя Линь Ижана:

— Начальник Чжан, он не подходит на работу в уголовный розыск.

Предвидя реакцию Гу Сюня, Чжан не спеша открутил крышку термоса, подул, сделал глоток чая и только потом сказал:

— Линь Ижань всегда учился в полицейской академии на отлично, на этот раз он занял первое место по всей провинции. Такого талантливого парня нельзя не зачислить.

Гу Сюнь сдержанно вздохнул, понизив голос:

— Вы прекрасно знаете его историю. Позволять человеку с таким вздорным характером и неустойчивой психикой расследовать дела — очень опасно.

Чжан поднял на него глаза, выдвинул ящик стола, достал новую пачку сигарет, вскрыл упаковку и протянул одну Гу Сюню:

— Садись.

Гу Сюнь не стал церемониться, взял сигарету и сел напротив Чжана, молча затягиваясь.

— Он успешно прошел психологический тест на этот раз. Я сомневался так же, как и ты, поэтому пригласил специалистов из научно-исследовательского института психологии, чтобы провести с ним отдельное собеседование. Результаты показали, что у него нет психических отклонений, — Чжан стряхнул пепел и повернулся к окну. — Когда он поступал в полицейскую академию, я тоже был против. Но он уже выбрал этот путь, и нам стоит ему доверять. Прошло двенадцать лет, время способно залечить любые раны.

Гу Сюнь молчал. Пепел на его сигарете вытянулся длинным столбиком и вот-вот должен был упасть. Чжан пододвинул к нему пепельницу и продолжил:

— Линь Ижань хорошо разбирается в психологии преступников, это редкий универсальный специалист. Управлению нужны такие молодые кадры.

— Как бы то ни было, я его не возьму. Прошу вас, начальник Чжан, переведите его в другую команду, — Гу Сюнь затушил сигарету, и в его глазах застыла решимость, тверже зимнего льда.

Чжан улыбнулся:

— Это решение твоего дяди. Он надеется, что вы с братом будете работать вместе, чтобы в

случае опасности подстраховывать друг друга.

— Не-воз-мож-но, — отчеканил Гу Сюнь. Сжав телефон в кармане, он встал:

— Я пошел, начальник Чжан.

Выйдя из кабинета заместителя начальника, Гу Сюнь тут же набрал номер дяди и сказал прямо:

— Если дядя считает, что Линь Ижань подходит для работы в уголовном розыске, тогда найдите кого-нибудь другого. Я им командовать не буду.

— Сяо Сюнь, не так. Все-таки он твой брат.

— Брат? — Гу Сюнь усилил интонацию. — За эти шесть-семь лет он стал еще более странным. Настроение меняется как погода, стоит слова не сказать — сразу начинается скандал, пара фраз — и он уже кулаки пускает в ход. Он никогда не говорил со мной спокойно. Разве бывают такие братья? Раньше вы всегда говорили, что это подростковый бунт, и просили не обращать внимания. Я слушался, но этот бунт затянулся слишком надолго... Дядя, у Линь Ижана вспышки неконтролируемой агрессии, он не может быть полицейским.

Слова, копившиеся так долго, вырвались наружу, и дыхание Гу Сюня стало свободнее.

В трубке раздался легкий вздох:

— Тебе нелегко было все эти годы... Ижань...

Он не закончил фразу, так как послышался голос секретаря, напоминающего о начале совещания.

— Найду время, поговорю с Ижанем как следует. Пойду на собрание.

Всю утреннюю возню зря — проблему так и не решил. Дыхание Гу Сюня снова перехватило.

<http://bllate.org/book/16882/1556203>